

ТАМ, ГДЕ ОН ЖИЛ

Горький

Земляки великого писателя рано чтят и бережно сохраняют памятные горьковские места. Их много, таких мест. Но к одному горьковчане относятся с особой любовью. Это — домик писателя, ставшего 30 лет назад мемориальным музеем, постоянно пополняющимся.

В 1928 году, когда отмечалось 60-летие А. М. Горького, в Нижнем Новгороде был создан первый в стране Государственный музей писателя. Новым филиалом этого музея будет нижегородская квартира писателя, оставшаяся в памяти старожил город как «горьковский академия».

Город на Волге готовится к юбилею как и к большому празднику. В кинотеатрах идет фестиваль горьковских фильмов, клубов и дворов культуры — литературные вечера. Сегодня состоится торжественное собрание общественности, писателей и журналистов.

Казань

«День Максима Горького» проведен в республиканской библиотеке имени Ленина крупнейшим книгохранилищем Татарии. С воспоминаниями об А. М. Горьком выступили: председатель его производственного филиала зав. Савар Агзамов, директор Казанского музея А. М. Горького М. Елизарова и другие. В библиотеке открыта выставка «Горький — писатель, посвященный юбилею».

Тбилиси

Вагонопассажирский цех Тбилисского паровозоремонтного завода с полным правом может именоваться мемориальным. Мраморная доска на входе гласит: «В 1931—1932 гг. здесь работал основоположник советской литературы Максим Горький».

В эти дни на предприятии устраиваются вечера, утренники, выставки, посвященные памяти в библиотеке за водного Дома культуры установлена стена с фотографиями, посвященными жизни и творчеству Буверестинки революции. На витринах выставлены старые и новые издания его книг на грузинском и русском языках. Рабочие вагонопассажирского цеха, которые себя считают в какой-то мере тоже юбилярами, устроили 18 марта вечер памяти Горького.

В день юбилея состоится общезаводской митинг. Рабочие и служащие предприятия, где в дни молодости работал Максим Горький, ждут к себе на праздник грузинских писателей и поэтов.

В Тбилисском государственном театре оперы и балета

Рядом с другом и учителем

«Четырнадцать дней я прожил в Сорренто, четырем из которых верховой проездом слушал Горького... Мне приехал товарищ Ганецкий, привезший Горькому подарки с Урала. В этот вечер я читал своего «Проскакованного» и Горькому, и Ганецкому, растрогались все трое, говорили о своей стране, и видно было, что Горький здесь, в Сорренто, связан с чем-то большим, чем с нами, что связи эти не могут быть оборваны никаким ветром, что должно быть наиболее близко к ней, не утерять с ней ни одного ритма дыхания — сейчас главная цель Горького».

Н. АСЕВ.
«Встреча с Горьким»

На снимке: Н. Асев, М. Горький и Я. Ганецкий. Сорренто, 1927 г. Редкий снимок.

«КНИЖКИНЫ ИМЕНИНЫ»

В будущем году «Книжкины именины» стукнет двадцать пять! С 1944 года каждую весну устраивается в нашей стране этот праздник. Ныне он совпал с юбилеем Алексея Максимовича Горького, постоянно забывшегося о детской литературе, о маленьких читателях.

— Ни в одной другой стране, — отметил, выступая на открытии Недели в Москве в

Концертном зале имени Чайковского, Лев Кассиль, — не издается столько умных, добрых, нужных детям книг, как у нас.

СССР имеет самое большое в мире издательство для юных читателей — «Детская литература». На открытии Недели работники издательства рассказали ребятам о тех книгах, которые выйдут для них в нынешнем году.

ИНТЕРЕСНАЯ ВСТРЕЧА

В Москве в Центральном Доме литераторов в днях состоялась встреча писателей столицы с секретарем Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгиевым. Он подробно ознакомился с деятельностью Верховного Совета СССР, его планом, постоянных комиссий Президиума. Говоря о демократическом характере подготовки новых законопроектов, М. П. Георгиев рассказал об активном участии в этом важнейшем деле представителей общественности.

В заключение дружеской беседы М. П. Георгиев отметил плодотворное участие советских писателей в общественной жизни страны и пожелал им новых творческих успехов.

«ЛГ» СОВЕТУЕТСЯ

21 марта в Центральном Доме литераторов состоялась встреча московских писателей с редакционной коллегией «Литературной газеты». Председательствовал секретарь правления Московской писательской организации И. Винниченко. С сообщением о работе «Литературной газеты»

выступил главный редактор А. Чаковский. В обсуждении приняли участие В. Сафонов, Ю. Бондарев, Г. Радов, К. Силов, Ф. Кузнецов, Е. Галин, Г. Березко, В. Соколов, Г. Коробельников, Г. Коновалов, В. Росляков, Ю. Чепурина, Л. Лагин.

МОГУЩЕСТВО СЛОВА

А. ГУДАЙТИС-ГУЗЯВИЧЮС

Моя первая встреча с Горьковским словом произошла, когда мне было около десяти лет. Это было в 1917 году, во время октябрьских боев в Москве.

Наша учительница, прощая парскую ошибку, собрала ребятишек рабочей окрестности и начала читать нам книгу. За окнами раздаются выстрелы, но нас это не пугает. Мы захвачены удивительной историей о Данко.

Так революционные бои соединились в моей детской памяти с образом смелого и отважного героя.

Потом наша семья вернулась в Литву, я вступил в подпольную комсомольскую организацию, включился в революционную работу. И в этой работе книги, созданные великим пролетарским художником, образы гордых и смелых героев помогали нам, вооружали отвагой.

Моя мать прочла эти слова воинственной пролетарки Ивановны, когда я был захвачен холерой по рабочим кружкам, тайным собраниям и ночным выездам с прокламациями. Нет, я не пытался убедить ее прочитать, мать сама взялась за книгу, с которой не расставалась ее сын и его товарищи. На обложке этой книги, которая была под строжайшим запретом цензуры, написано: М. Горький, «Мать». И образ Матери, ставшей ядром с сыном пол красное знамя, не мог не погрузить сердце, ведь сама она, как и Ивановна, плакала по ночам, дожидаясь возвращения сына со скотки, сама испытала грубость и оскорбления полицейских во время обысков, бегала в тюрьму с узелками скуднейшей переделки...

Лишь в 1936 году поэт В. Монтвила перевел на литовский язык эту повесть, и она широко разошлась в Литве.

Камера колониальная, заткала. Два десятка железных коек привычные к каменным стенам и подваты торчком. Это последнее слово царской тюрьмы.

КОММУНИСТ

В. КИРПОТИН

Я ПРИНАДЛЕЖУ

к старшему поколению, очень поредевшему сейчас. В детстве, когда я приобрел в читальном зале Горький был полуполуденный. Когда я стал читать его книги, Горький стал для меня легендой, если можно так выразиться, реальной.

В 1932 году меня назначили секретарем Оргкомитета Союза советских писателей. Горький был его почетным председателем. Меня повезли познакомиться с Алексеем Максимовичем. И вот — легенда прямо перед тобой, ты руку ей пожмаешь, этой легенде Позвела меня в Горьки. Кабинет Горького был во втором этаже.

Насторожил нас поднялся из-за стола высокий, немножко неуклюжий человек, отодвинув в сторону книгу, которую читал до нашего прихода. Неудобно подглядывать, но я все-таки поглядел на книгу, которую он отодвинул в сторону. Читал он книгу о митохондрических профессорах Ленинграда. Меня поразило, что Горький, писатель, продавший своего интереса я много слышал, читает книгу, посвященную чисто экспериментальным научным исследованиям.

Потом, по долгу службы, мне приходилось неоднократно бывать у Алексея Максимовича и в Горках, и в его московской квартире. И когда я ближе познакомился с ним, я понял, насколько неслучаен его интерес к науке.

Интерес этот был очень разнообразен, но я заметил, что он имел свои «ударения». Горький всем интересовался — и успехами техники, и успехами физики и химии, но больше всего его интересовало сосредоточившись вокруг науки о человеке, вокруг всей той совокупности знаний, которые определяют жизнь человека.

Это не было случайно. Я, к сожалению, никогда не вел дневника, но помню, как при одном из таких разговоров за столом он выразил свою мечту о том, чтобы не только продлить жизнь человека, но и сделать его бессмертным. Он мечтал о красоте, о мужестве и о долгой жизни человеческой и массу сил потратил на то, чтобы помочь тем областям знания, которые могли бы сделать человека физически здоровее, прекраснее, радостнее...

Горький придавал громадное значение организационной стороне литературной жизни.

Первый съезд писателей был назначен на 1933-й, а позже перенесен на 1934 год. Повестка была уже начата, докладчики назначены, и предварительное совещание было проведено по прозе, драматургии, поэзии. Все было готово. А тут Горький вмешался и запротестовал, и его протест оказался чрезвычайно основательным. Дело в том, что докладчиками на съезде предполагались только русские писатели. Горький

БУРЕВЕСТНИК

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ПИШУ эти строки и думаю о том, что вероятно, в эту самую минуту очень многие и очень разные люди склонились над бумагой, чтобы сказать хотя бы несколько своих слов о Горьком. И у каждого непременно отшуршат в сердце эти, свои слова, ибо Максим Горький — это мир, в котором мы находим приближение не только общему для всех, но и глубоко личному, своим мыслям, тревогам и упованиям.

Горький явился на свет как историческая неизбежность, как живучая потребность века, в котором, грозно клубясь, сгустились, вызревали мятельные силы самого беснорытного класса — класса пролетариев.

КРЫЛЬЯ НАД СТЕПЬЮ

А. ШАРИПОВ

КАК великий русский народ стал нашим старшим братом и учителем, так и Горький оказал огромное влияние не только на творчество многих писателей Казахстана, но и на формирование всей казахской литературы советской эпохи.

С первых лет Октября «Буревестник» и «Сокол» стали родными птицами нашей степи. Их мужественные и сильные крылья звали в полет, звали к борьбе против несправедливого социального строя, к борьбе за народное счастье. Какен Сейфуллин, ставший одним из первых казахских поэтов Октября, еще в 1916 году зачитывался произведениями Горького. И нельзя считать случайным, что пьеса Сакина о революции так и

называлась «Красные соколы».

Влияние Горького было и остается непреходящим. Если на первых порах оно определяло молодость нашей литературы, то в пору ее зрелости писатели постигали глубинную классицистическую традицию Горького, изучали его творения, находя в них для себя верный компас. Об этом многоговорно говорил Мухтар Ауэзов, подчеркивая, что Габит Мусрепов, Беймбет Майлин, Сабит Муканов, Ильяс Джансугуров и он сам, наш Мухтаргала, создавали свои лучшие книги, припадая к животворному роднику горьковского наследия.

В самом деле, возьмите «Школу жизни» С. Муканова. Построена на своеобразной технике — шувальской «звильнице», построенной перед самой империалистической войной, — теперь используются буржуазные запреты Литвы. Спрятать здесь что-нибудь трудно: всюду камень, железо, асфальт. И тем не менее заключенные большевики имели необходимую для политучебы литературу, а кроме того — и нечто из «звильной словесности». Прибавь к определенному этапу из каунасской тюрьмы, я таким образом разрозненные листы книги М. Горького «Детство», и она стала не только любимой «бювет» беллетристкой, но и подлинно творческим университетом для начинающих пролетарских писателей (некоторые из них сложились потом голы в Испании, как поэт А. Ясунис, а позднее и на фронте Великой Отечественной войны).

«Детство» М. Горького периодически исчезало в полых железных рамках нар или в бетонированных тайниках пола, но время от времени опять появлялось, и мы набрасывались на него с новой силой.

Трудно передать, чем была для нас эта книга!

Книга учила нас горячей любви к слову, образу, поражала ясностью народностью языка. Могучая сила, абсолютность в народ, вера в победу пролетарской революции светилась нам в каждой строчке великого писателя.

ВИЛЬНЮС

ПЕВЕЦ РЕВОЛЮЦИИ, ТРИБУН СОЦИАЛИЗМА

«БЕЗ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО ВСЕ МЫ, НЫНЕШНЯЯ ЛИТЕРАТУРСКАЯ ГЕНЕРАЦИЯ, ВЫПОРХНУЛИ НА СВЕТ ИЗ ШИРОКОГО ГОРЬКОВСКОГО РУКАВА».

Л. ЛЕОНОВ

БЕССМЕРТИЕ

Петро ПАНЧ

ЕСТЬ люди, даже самая высокая похвала которым не способна переопределить их заслуг. Таким был гениальный сын русского народа Максим Горький.

Украине особенно дорого это имя. Горький в молодости общался с людьми, многие свои произведения, такие, как «Челкаш», «Емельян Пильный», «На соли» или «Драмка в Голтве», написал на украинском материале. Он боролся за обездоленного человека, за Человека с большой буквы и тем был близок трудящимся Украины.

Произведения Горького, высокопоставленные, написанные удивительно просто и выразительно, всегда учили читателей. Учили они и нас, писателей.

Горький был верным и последовательным другом украинской литературы. В свое время он много сделал для перевода и издания на русском языке первых рассказов нашего классика Михаила Коцюбинского. И такое же братское отношение проявил он и к молодой украинской советской литературе, особенно когда возглавил Союз советских писателей. Мои земляки часто обращались к нему с просьбой — и всегда находили отклик.

Достаточно вспомнить его горячее участие в рождении романа «Как закалялась сталь» Николая Островского, в появлении «Педагогической поэмы» Антона Макаренки или романа «Людиозлы» Зинаиды Тулуб.

Мне не раз приходилось видеть и слышать Алексея Максимовича, встречаться с ним. Ни одна такая встреча не проходила бесследно. Общение с Горьким каждый раз обогащало. Для нас, писателей, он навсегда остался великим мастером литературы и великим гражданином Страны Советов. Личность Горького, революционная направленность его произведений, социалистические идеалы, составлявшие их основу, не могли не отразиться на нашем формировании как людей, как граждан, как писателей. За это мы с благодарностью склоняем головы перед его бессмертным именем.

«Все для всех, все — для всего! Все — товарищам, все — родные, все — одной матери — правды!» Душу воскресую — не убойт! Не зальют кровью разум! Морями крови не угасят правды!..»

КИЕВ

ДОБРЫЙ ЗАВЕТ

Петро ГЛЕБКА

ВОТ уже полвека по жизни и в литературе победно шествует боец за народное счастье, строитель социалистического общества. Родолюбивая его начинается раньше — это человек труда, осознавший свое человеческое достоинство, понявший силу свою в историческом творчестве. Первым оценил его высокое значение в революционном процессе России Владимир Ильич Ленин. Первую песню сложил ему Алексей Максимович Горький.

Ленин — зодчий социалистического общества. Горький — вдохновенный певец его. Говорит сегодня о Горьком — значит говорить о полувекном движении нашей многонациональной социалистической литературы. Тема неотъемлемая.

В жизни и творчестве великого русского художника есть моменты, особенно близкие и дорогие нашей братской культуре. Глашатая ленинской национальной политики, живописец пролетарского интернационализма, Максим Горький заложил основы нерушимого единения литературы нашей страны, поселил еще в темные времена царства добрые семена, из которых выросло цветущее дерево дружбы советских художников слова. Янка Купала в стихотворении «Памяти Максима Горького» писал:

Меня ты заметил тогда еще, сокол,
Когда ты развивался широко,
И горе стонало, и стлы сердца,
И ночи, казались, не будет конца.

Интерес Максима Горького к литературе угнетенных национальностей царской России — это искренний интерес художника к художникам, интерес борца к соратникам по оружию, по революционно-демократическому движению. Не случайно великий писатель, посвятивший свое творчество борьбе за высокое достоинство человека, обратил внимание на стихотворение Янки Купала «А кто там идет?» и перевел его. В стихотворении белорусского поэта звучало революционное, истинно горьковское отношение к человеку:

А чего ж теперь захотелось им,
Угнетенным векам, им,
Слепым и глухим?
— Людям завять!

Идеалы социального обновления и революционной предприимчивости привлекали Максима Горького в произведениях писателей и других национальностей России. Неудомо, страстно гениальный представитель русской литературы боролся за свободное художественное развитие

народов России, как тогда предполагал уже тогда будущий расцвет нашей социалистической культуры как культуры многонациональной.

В годы первой империалистической войны, в самый разгар великодержавного шовинизма Максим Горький смело и мужественно выступил в защиту украинского языка и литературы. В те же годы писатель начинает осуществлять задуманное им еще раньше издание национальных сборников и антологий. К работе над переводами произведений для этих сборников Максим Горький привлек лучших русских писателей. Сам он принимал активное участие как в составлении сборников, так и в их редактировании.

Сколько энергии, вдохновения, труда, творческой страсти вложил Алексей Максимович в развитие национальных литератур в годы Советской власти! По Союз советских писателей. В докладе на Первом всесоюзном съезде писателей Горький подчеркивал: «...Я считаю необходимым указать, что советская литература не является только литературой русского языка, это — всеобщая литература».

Благородные традиции братского единения многонациональной нашей литературы советские писатели хранят как нерушимый завет Горького. И сегодня, отмечая столетие со дня его рождения, писатели и народы Советского Союза чтят его не только как могучего художника русского слова, но и как вдохновителя, друга всех литератур народов Родины.

махан нам рукой с трибуны. Теперь я ощутил тепло его ладони...

Он просидел у нас допоздна. А прощаясь, сказал с лукавой улыбкой:

— После такого отдыха грешно не поработать!

Вряд ли я буду оригинален, если скажу, что многие произведения Горького переведены на наш родной язык и давно стали настольными книгами таджиков. Что новые поколения таджикских писателей продолжают учиться у Горького самому главному в творчестве — жизненной правде и вере в Человека.

Вряд ли я кого-нибудь удивлю, если скажу, что многие улицы, дома культуры, клубы в нашей республике носят его имя. Но я все-таки скажу это, потому что он дорог моему народу, как дорог всем советским людям. Он вошел в наши дома и занял место рядом с Рудани, Фирдоуси, Хакимом, Омаром Хайемом, Джами — нашим великими классиками. Он вошел в наш дом хозяином, и без него трудно понять становление таджикской советской литературы, ту огромную созидательную работу по воспитанию нового человека, которая стала главной целью художественного творчества в нашей стране.

И вот в 1934 году он в беседе с представителями бывших национальных окраин, где плоды этой работы были особенно заметны. Съезд подходил к концу, и мы решили пригласить Алексея Максимовича на вечер таджикской поэзии. Он согласился. Правда, казался, что очень устал и будет у нас недолго. Нечего и говорить, что он был для нас самым желанным гостем. Произносились тосты. Поэты читали стихи. Звучали таджикские песни. Все мы забыли о времени. И Горький тоже. И я произнес тост, а он пожал мне руку. За пять лет до этого я был в Москве делегатом Всесоюзного съезда писателей. Тогда я впервые увидел Горького издали, он

ВОШЕЛ В НАШ ДОМ ХОЗЯИНОМ

Мирсаид МИРШАКАР

В ПОМИНАЮ 1934 год. Первый всесоюзный съезд писателей. Рядом с Горьким в президиуме сидели наши Айни и Лахути. Мы, гости съезда, совсем еще молодые поэты, в перевернутом не давали прохода своим уставам с просьбами рассказать, о чем говорил с ними Алексей Максимович.

Он интересовался, над чем мы работаем, сказал Айни, как воспитываем молодежь. Говорил, что все весомой плод нашей общей работы по созданию новой культуры... Еще в 1930 году, отвечая из Сорренто на письмо работником редакции «Коммунист Таджикистана», Горький писал: «Пора зрительные шаги, которыми Союз Советов идет по пути промышленного развития, и в железном шуме этих шагов мы не слышим, как великомерно звучит другая наша работа — работа со-

здания новой культуры, воспитания нового человечества, — работа объединения в единое целое трудящихся всей земли».

И вот в 1934 году он в беседе с представителями бывших национальных окраин, где плоды этой работы были особенно заметны. Съезд подходил к концу, и мы решили пригласить Алексея Максимовича на вечер таджикской поэзии. Он согласился. Правда, казался, что очень устал и будет у нас недолго. Нечего и говорить, что он был для нас самым желанным гостем. Произносились тосты. Поэты читали стихи. Звучали таджикские песни. Все мы забыли о времени. И Горький тоже. И я произнес тост, а он пожал мне руку. За пять лет до этого я был в Москве делегатом Всесоюзного съезда писателей. Тогда я впервые увидел Горького издали, он

душанбев